

КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ: ИМПЕРАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ КЛИШЕ В ДИАЛОГЕ

Н. Г. Брагина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6
Поступила в редакцию 17.02.2024 г.
Принята к публикации 15.04.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-13

Охарактеризован отдельный класс лексических единиц – императивные речевые клише, например «Крепись!», «Прекрати!», «Не лезь!». В исследовании дано определение понятию «императивные речевые клише», рассмотрена роль прагматикализации в их формировании. Описаны общие свойства императивных клише: большинство из них либо не употребляется с отрицательной частицей «не», либо употребляется только с частицей «не»; в речевой коммуникации они функционируют как реакции-побуждения, то есть с их помощью адресант реагирует на предшествующую реплику адресата и / или его поведение, одновременно побуждая адресата к (не)выполнению какого-либо действия; значительная часть императивных клише, особенно реакции-побуждения, образованы от глаголов совершенного вида. Использование императивных клише и их функционирование в речи является одной из главных тем при описании категории вежливости и особенно не/антивежливой коммуникации. Цель исследования – рассмотреть функционирование императивных речевых клише в аспекте категории вежливости. Материалом послужили используемые при речевом акте побуждения категорические призывы, нацеленные на прерывание контакта и / или на его запрет. Была собрана коллекция примеров из Национального корпуса русского языка (около ста словоупотреблений). С применением метода лексикографического описания была предложена пробная статья речевого клише «Отстань!». Лингвистическое описание и словарное представление императивных речевых клише имеет большое значение для комплексного описания категории вежливости.

Ключевые слова: *императивные речевые клише, категория не/анти/вежливости, прагматикализация, речевая коммуникация, лексикографическое описание*

1. Социология повседневности и речевые клише

Начатые во второй половине XX века исследования разговорной речи и языка повседневности показали, что речевая коммуникация в значительной степени фразеологизирована, то есть состоит из устойчивых и воспроизводимых единиц. Это соотносится с ранее отмеченной социологами тенденцией формирования повседневности путем упорядочивания реальности с помощью типизации и систематизации ее в образцах: «Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу» (Бергер, Лукман, 1995, с. 55).

Речевые клише являются одним из важных компонентов языка повседневности, наглядно характеризующих ее рутинность, стандартизованность, стереотипность. В статье будет рассмотрен определенный вид речевых клише, а именно: императивные клише, используемые при взаимодействии: «лицом-к-лицу», то есть в межличностной коммуникации.

2. Речевые клише как единицы коммуникации

Под *речевым клише* мы будем понимать одно- и многословные диалогические единицы, устойчиво и стереотипно воспроизводимые, выступающие в качестве иницилирующей или ответной реплики, прагматически связанные с конкретным речевым актом и с конкретным классом коммуникативных ситуаций. Приведем примеры: 1) одно- и многословных клише: *Господи! Не может быть!* (удивление и сочувствие как реакция на плохое / трагическое известие); 2) иницилирующих реплик: *За мир во всем мире! Поехали!*; 3) ответных реплик: *Ну и ну! Подумать только!* (удивление как реакция на неожиданное известие).

Интерес к устойчивым и воспроизводимым диалогическим единицам возник в конце XX века, и у разных исследователей они получали разное название: *conversational routine, routine formulae, fixed formulae*; *единицы речевого этикета, устойчивые формулы общения; фразеотекстемы; фразеорефлексы; коммуникативы; речевые формулы; ответные реплики; устойчивые фразы; дискурсивные формулы*².

Сравним термин *речевые клише* с часто употребляемыми в современных лингвистических работах *дискурсивными формулами* (Рахилина, Бычкова, Жукова, 2021) и *коммуникативами* (Шаронов, 2015).

Класс *речевых клише* охватывает большее количество единиц, чем *речевые* или *дискурсивные формулы*: *речевые клише*, как отмечалось выше, могут быть однословными, а также выступать в качестве иницилирующей реплики.

Речевые клише обычно не являются десемантизированными, в то время как одним из признаков *коммуникативов* является десемантизация как результат доминирования коммуникативного значения.

Речевые клише образуют большой разнородный класс диалогических единиц, обеспечивающих речевую коммуникацию. В него входят *императивные речевые клише* — изолированные императивные высказывания, часто однословные, устойчивые и воспроизводимые, прагматически связанные с конкретным речевым актом и с конкретным классом коммуникативных ситуаций. К ним, например, относятся: а) клише эмпатии («ресурсные формулы»): *Крепись (!); Не кисни (!); Держись (!); Не дергайся (!); Не бойся / Не боись (!); Расслабься (!); Забей (!); Начхай (!)* и др.; б) клише отгона: *Не лезь (!); Не приставай (!); Отвали (!); Отстань (!); Отвяжись (!)* и др.

² Подробнее о терминах, используемых в отношении диалогических единиц, см.: (Брагина, 2023).

3. Императивные речевые клише: общие свойства

Значительная часть императивных клише либо не употребляется с отрицательной частицей *не*: **Не прекрати (!)*; **Не брось (!)*; **Не катись (!)*, – либо употребляется только с *не*, например в коммуникативных актах: а) запрета: *Не лезь (!)*; *Не приставай (!)*; б) подбадривания: *Не кисни (!)*; *Не унывай (!)*.

Императивные речевые клише могут выполнять двойную функцию: с одной стороны, это реакция на речевое и / или невербальное поведение адресата, с другой – побуждение адресата совершить или, наоборот, прекратить совершать какое-либо действие. Рассмотрим примеры.

(1) – *В Москву? Ну, как ты себе это представляешь? Я тебе буду обузой. – Ну, прекрати! Я поговорю с врачом, посмотрим, что скажет* (Г. Пашковский. А потом пошел снег).

Адресант, реагируя на предшествующую реплику, показывает, что ему не нравится ход мыслей адресата. Одновременно он побуждает адресата изменить ход своих мыслей и не высказываться подобным образом. Комплексно ситуация может быть описана следующим образом: ‘Адресант стремится развеять опасения адресата’.

(2) – *Уже девять дней! – изумленно произнес Страхов. – А я еще ни на шаг не продвинулся... – Не кисни, Страхов, ты разбросал сеть, теперь жди первого улова* (Л. Корнешов. Газета).

Адресант, сочувственно реагируя на речевое поведение адресата, побуждает его проявить выдержку. Ситуация может быть описана следующим образом: ‘Адресант стремится подбодрить адресата’.

(3) – *А ну-ка скажи: золото, лучшее золото по лучшей цене! – не отставал Геннадий. – Вот это зря, – начала Нина, но Геннадий не дал ей закончить. – Заткнись, я сказал! – рывкнул он. <...>. – Я как раз хотела..., – снова попыталась сказать Нина. – Рот закрой, я сказал! – снова оборвал Геннадий.* (С. Дигол. Когда она замолчала).

Адресант, резко отрицательно и грубо реагируя на речевое поведение адресата, побуждает его прервать свое высказывание и замолчать. Ситуация может быть описана следующим образом: ‘Адресант стремится заставить адресата прервать свое речевое действие’. Повторное использование другого императивного клише (*Рот закрой*), синонимичного первому (*Заткнись*), а также сочетание в обоих случаях с клише *я сказал* придает дополнительную категоричность речевой позиции адресанта, которую можно охарактеризовать как антивежливую. Отметим, что речевые клише *я сказал/а*, *кому сказал/а*, *кому говорят*, *кому было сказано*, как правило, обозначают повторное требование, приказ, запрет, маркируя повторное речевое действие адресанта, и в сочетании с речевыми императивами усиливают категоричность высказывания (Шаронов, 2018).

Таким образом, императивные речевые клише могут соединять в себе реакцию и побуждение, то есть функционировать в речевой коммуникации как реакции-побуждения.

Большинство императивных речевых клише образовано от глаголов совершенного вида, особенно — реакции-побуждения, на что может влиять общее для глаголов совершенного вида значение 'результативности', усиливающего интенсивность побуждения.

4. Императивные речевые клише: прагматикализация и фиксация в словарях

Императивные речевые клише — это результат прагматикализации глагольных императивов. Прагматикализация «отрывает» их от глагольной парадигмы, что позволяет рассматривать их как самостоятельные лексические единицы и делает возможным их включение в качестве заголовочных единиц в аспектные словари, например в словарь речевого этикета или в словарь языка вежливости.

Максимально прагматикализованными можно считать императивные клише, которые частотно употребляются абсолютивно. Между употреблениями *Прекрати/те (!)* и *Прекрати/те плакать (!)* есть определенное различие в степени прагматикализации. Если иметь в виду словарное описание, то заголовочной единицей может выступать императивное клише *Прекрати/те (!)*, а в зоне сочетаемости будет отражена конструкция *прекрати/те + inf (!)*.

В работе (Иорданская, Мельчук, 2007, с. 233–234) рассматриваются прагматически связанные единицы, то есть такие, которые употребляются в строго определенных ситуациях. К ним относятся все военные команды, например *Ложись!*

В ряде работ ставится вопрос о морфологической принадлежности прагматикализованных императивных форм. Некоторые исследователи относят такие единицы к междометиям либо выделяют для них особую пограничную с междометиями зону. В работе (Шигуров, 2009, с. 157) список таких единиц достаточно объемён: *вали, валяй, брось, бросай, катись, кончай, линяй, мотай, отвяжись* и др. Автор рассматривает их как промежуточную ступень между глаголами и императивными междометиями.

Единицы *давай / давайте, брось* и *здрасьте, драсьте пожалста* определяются как «междометные прагматемы» в статье (Богданова-Бегларян, 2014). У формы *давай / давайте* выделяются два прагматических значения, характеризующие их употребления в повседневной речи: 'этикетная форма прощания, синонимичная *пока*'; 'императив, обозначающий любое действие, к которому говорящий стимулирует собеседника' (Там же, с. 11).

В справочных изданиях некоторые из рассматриваемых единиц квалифицируются как междометия или частицы. В Академической грамматике к группе междометий, обслуживающих сферу волеизъявлений, относятся: *брось(те), валяй(те)*; к междометиям, обслуживающим

сферу этикета, — *здравствуй(те), прощай(те), извини(те), прости(те)*; к междометиям с семантически диффузными функциями — *черт возьми, черт побери* (Русская грамматика, 1980, с. 732–733). В разных словарях как побудительные междометия описываются *гляди, запомни* (Ефремова, 2001); *не смей(те), послушай(те), рассказывай(те), слушай(те)* (Словарь структурных слов..., 1997). В словаре (Большой толковый словарь..., 2004) лексемы *давай/те, брось/те, валяй/те* снабжены пометой «в значении частицы»; лексемы *прощай/те* — пометой «частица»; лексема *извини/те* — «в значении междометия»; лексема *здравствуй/те* — «междометие»; *простите* в разных значениях имеет разные пометы: «в значении междометия», «в значении вводного слова», «в значении частицы». В словаре (Морковкин, Богачева, Луцкая, 2020) лексема *давай/те* имеет помету «частица»; *прощай/те, извини/те, прости/те, здравствуй/те* — «междометие».

Существует и иная точка зрения, высказанная Д. Н. Шмелевым, который рассматривает единицы типа *валяй* как обособившиеся по значению формы повелительного наклонения (Шмелев, 2002). С этой позицией солидаризируется и И. А. Шаронов, сформулировавший признаки выделения вторичных междометий, которые позволяют отделить их от иных переходных случаев, в частности от прагматикализованных императивных форм (Шаронов, 2009), то есть от императивных клише.

Отмеченная в разных работах тенденция прагматикализации императивных форм, функционирующих как высказывание, делает возможным рассматривать их как отдельные лексемы, однако современные словари сравнительно нечасто описывают императивные клише как заголовочные лексические единицы. Приведем несколько примеров словарного описания наиболее часто обсуждаемых прагматикализованных единиц. Как заголовочное слово описываются *давай/те, прощай/те, извини/те, прости/те, здравствуй/те* (Морковкин, Богачева, Луцкая, 2020); *прощай/те, прости/те, здравствуй/те* (Большой толковый словарь..., 2004). В составе словарной статьи с заголовочным словом *бросить* (*брось/те*), *давать* (*давай/те*), *валять* (*валяй/те*), *извинить* (*извини/те*) (Большой толковый словарь..., 2004).

В словаре речевого этикета (Балакай, 2001) 1) в качестве заголовочных единиц выступают императивные клише: *Давай/те; Брось/те; Прощай/те*; 2) императивное клише выступает как заголовочное слово в одном ряду с глаголом в неопределенной форме, от которого оно образовалось: *Простить* (*прощать*). *Прости/те; Извинить/ся, Извинять/ся. Извини/те*. Императивное клише включено в словарную статью, заголовочным словом выступает глагол в неопределенной форме: *Здравствовать* (*здравствуй/те*). В целом по сравнению с толковыми словарями в словаре речевого этикета ожидаемо больше представлено императивных речевых клише, однако их фиксация не является системной: они могут выступать как отдельные заголовочные единицы либо включаться в состав заголовочных единиц наряду с глаголами в неопределенной форме, от которых они образованы, либо входить в состав словарной статьи, заголовочным словом которой выступает неопределенная форма глагола.

Кроме этого, значительное количество императивных клише, используемых при не/антивежливой коммуникации, например *Отстань! Заткнись! Иди к черту!* и др., отсутствуют в словнике словаря речевого этикета. Вероятно, это имеет отношение к позиции его автора: словарь ориентирован на описание единиц речевого этикета, отражающих преимущественно вежливую коммуникацию. Его миссия сформулирована следующим образом: «...собрать и сберечь веками накопленные сокровища русской вежливости» (Балакай, 2001, с. 4).

5. Русские императивы и категория не/вежливости

Исследования категории вежливости позволяют по-новому взглянуть на употребление русских императивных клише.

В лингвистической литературе русские императивные конструкции по отношению к оппозиции *вежливое — невежливое* рассматривались, например, в аспекте выбора императивных форм совершенного или несовершенного вида в ситуации не/вежливой коммуникации (Бенакьо, 2002; Храковский, Володин, 2001; Падучева, 1996; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015). Обсуждалось, например, что можно оценить как более вежливое: *Садитесь!* или *Сядьте!*

Далее, употребление императивов применительно к категории вежливости в контексте анализа форм речевого этикета исследовалось при анализе местоимений *ты* и *вы* в побудительных речевых актах (Мельчук, Жолковский, 2016; Храковский, Володин, 2001; Шмелев, 2016; Балакай, 2001). Так, в работе (Мельчук, Жолковский, 2016, с. 497) отмечалось, что *ты* в роли обращения в разговорной речи — невежливо; в примерах употребляется императив: *Эй, ты, погоди! Ну, ты, перестань!*

В работе (Храковский, Володин, 2001) авторы, сравнивая использование императивной формы множественного числа при обращении к одному лицу с формой единственного числа, возражают против того, чтобы соотносить данные формы с категорией вежливости, поскольку считают, что выбор одной из двух форм мотивирован правилами речевого этикета. Этикетные обращения они относят к «кодовым правилам», обязывающим говорящего пользоваться данной формой. С категорией вежливости авторы связывают употребление частиц *пожалуйста, будь/те добр/а/ы, будь/те любезн/любезна/ы* при императивных формах, поскольку включение таких частиц позволяет характеризовать любое побуждение как вежливую просьбу. Употребление императивов, таким образом, связано с этикетными «кодовыми правилами», в то время как использование частиц обусловлено относящимися к категории вежливости «маркирующими правилами» (Там же).

Употребление императивных форм в аспекте категории вежливости обсуждалось также в кросс-культурных исследованиях на материале двух пар языков — польского и английского (Wierzbicka, 2003), русского и английского (Ларина, 2009). Согласно Т.В. Лариной, употребление русского императива является одним из основных отличий русской вежливости от английской (Там же, с. 262). В разных коммуникативных

ситуациях (просьба, совет, приглашение и др.) в русском языке предпочтительна императивная форма, в то время как в английском языке в сходной ситуации выбирается вопросительная форма. Это связано с системой ценностей, которая по-разному сформирована в разных культурах.

Таким образом, употребление императивных конструкций в речевом акте побуждения исследовалось не столько в отношении категории вежливости, сколько в контексте описания форм речевого этикета либо в аспекте сложившейся в данной культуре системы ценностей. Оппозиция *речевой этикет vs категория вежливости* недостаточно четко проявлена. Это вынуждает авторов работ делать пояснения, каким образом они разграничивают эти понятия. Как кажется, конкуренция понятий *вежливое vs этикетное* возникает именно при изучении вежливой коммуникации, когда не/антивежливая коммуникация не является самостоятельным объектом анализа, а описывается как бы по остаточному принципу. В ситуации, когда акцент делается на не/антивежливой коммуникации, конкуренция понятий *вежливое vs этикетное* снимается.

6. Императивные речевые клише в не/антивежливой коммуникации

Не/антивежливая речевая коммуникация ни в коей мере не хаотична, она упорядочена, и ее основу составляют стандартные ликоугрожающие клише, которые в совокупности представляют собой набор единиц, используемых для разного рода ситуаций, когда говорящему требуется выразить доминирование над собеседником; воздействовать на него в воспитательных целях; принудить его к выполнению каких-либо действий; запретить ему выполнение каких-либо действий; аффективно (негативно) или иронически отреагировать на его реплику и др.

Если стандарты вежливой коммуникации и речевого этикета описываются достаточно подробно, то стандарты не/антивежливой коммуникации затрагиваются в описаниях в меньшей степени³.

При описании не/антивежливой коммуникации одной из главных тем становится использование и функционирование в речи императивных клише. С их помощью адресант может выразить общее чувство недовольства, дискомфорта от общения с собеседником, от темы разговора, от реплик собеседника. Недовольство может выражаться, например, с помощью категорических призывов адресанта к адресату: – *Прекрати! / Прекращай! – Отстань! – Проваливай – Заткнись!* и др.

В работе (Brown, Levinson, 1988) была предложена классификация ликоугрожающих актов – *face-threatening acts* (FTA) – в отношении негативного и позитивного лица. Согласно этой концепции ликоугрожающие акты – это действия, которые создают угрозу социальному лицу адресата, причиняют ему вред, ставя собеседника в неловкое (не-

³ См., напр.: (Леонтьев, 2016; Брагина, 2018; Розина, 2018; Ларина, 2018; Фролова, 2018; Граф, 2018).

удобное) положение, выявляя социальное, психологическое, гендерное, возрастное и др. неравенство между адресантом и адресатом. Стандартно они проявляются в ситуации, когда говорящий выбирает агрессивную стратегию, намеренно пытаясь выразить отрицательное отношение к собеседнику. Разграничивая негативное и позитивное социальное лицо, Браун и Левинсон связывают первое с желанием индивида в процессе коммуникации свободы действий, невмешательства со стороны других лиц; и второе – с желанием получить одобрение, позитивную оценку со стороны других лиц. Угроза негативному лицу возникает в речевых актах приказов и требований; указаний и советов; напоминаний; собственно угроз, предупреждений, вызовов, а также при выражении сильных отрицательных эмоций (ненависть, гнев, похоть). Угроза позитивному лицу – в речевых актах неодобрения, критики, жалоб и выговоров, обвинения, оскорбления; несогласия, возражения, а также при выражении презрения или насмешки, спонтанных, неконтролируемых эмоций, непочтительности, выраженной, в частности, использованием неуместных и/или табуированных тем. В русском языке большинство описываемых в работе Браун и Левинсона ликоугрожающих актов могут осуществляться в межличностной коммуникации с помощью императивных речевых клише.

Рассмотрим в качестве иллюстрации категорические призывы, нацеленные на прерывание контакта и / или на его запрет. Они используются при речевом акте побуждения. Толкование данной группы может состоять из следующих смысловых компонентов.

‘Говорящий осознает свою доминантную и / или протестную позицию (социальную, психологическую (эмоциональную), моральную, возрастную, гендерную и др.), свое право на волеизъявление и руководство действиями собеседника’.

‘Говорящий испытывает отрицательные эмоции к самому собеседнику и / или к его (речевому) поведению и / или к теме общения’.

‘Говорящий использует клише, чтобы выразить свое требование в категоричной форме призыва, запрета, реализуя тем самым модель грубой, агрессивной, антивежливой коммуникации’.

Категорические призывы являются маркерами определенных эмоциональных состояний, таких как гнев, ярость, злость, раздражение, возмущение, обида, отчаяние и др., и относятся к полю речевой агрессии. Они отражают физическое и ментальное состояние адресанта: неготовность обсуждать тему вследствие усталости от нее / болезненности самой темы / категорического несогласия с адресатом / некомпетентности адресата и др. В эту группу входят: 1) призывы прекратить речевое действие: адресант не желает продолжать тему; нежелание продолжать тему может сопровождаться потенциальной угрозой (импликация ‘хуже будет’); 2) призывы прекратить контакт: адресант воспринимает контакт с адресатом как раздражающий; 3) призывы покинуть общее пространство: адресант не желает никаких контактов (включая невербальные: ‘присутствие адресата’). К первой группе относятся императивные клише: – *Прекрати (!)* / – *Прекращай (!)*; – *Перестань (!)*; – *Уймись (!)*; – *Остановись (!)*; – *Брось (!)*; – *Заткнись (!)*; –

Замолкни (!); – Успокойся (!); – Кончай (!); – Завязывай (!). К призывам, сопровождающимся потенциальными угрозами, относятся: – Не зли / не беси меня (!); – Не выводи меня из себя (!); – Не буди во мне зверя (!); – Не действуй мне на нервы (!); – Не испытывай мое терпение (!).

Ко второй группе относятся: – Не лезь (!); – Не приставай (!); – Отвали (!); – Отстань (!); – Отвяжись (!); – Оставь (меня) в покое (!); – Отцепись(!).

Третью группу образуют следующие клише: – Уходи (!); – Катись (отсюда) (!); – Вали (отсюда) (!) / Мотай отсюда (!) / Шагай отсюда (!); – Иди с Богом / Ступай с Богом (!); – Проваливай (!); – Выметайся (!); – Вытряхивайся (!); – Исчезни (с глаз моих) (!); – Сделай так, чтоб я тебя больше не видел (!) / – Сделай так, чтоб я тебя искал (!); – Давай (отсюда) (!) / Давай-давай ...; – Сгинь (!).

7. Императивные клише как объект лексикографического описания

При составлении словаря языка не/вежливости императивные речевые клише должны описываться по единой схеме. Приведем вариант словарной статьи с заголовочной единицей *Отстань(те)* (!).

НАПИСАНИЕ

Отстань(те) / отстань ты (от меня) / отстаньте вы (от меня)

ТОЛКОВАНИЕ

‘Адресант в категоричной грубой форме показывает неготовность продолжать диалог, поскольку тема разговора и / или сам адресат (его манеры, поведение и др.) вызывают отрицательные чувства (раздражение, злость, усталость и др.). Это создает потенциально конфликтную ситуацию и / или служит ее развитию’.

ТИП ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Императивное клише

РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Категоричный грубый отказ от коммуникации

ИЛЛЮСТРАЦИИ

(1) Епиходов. – Вот, Ермолай Алексеич, позвольте вам присовокупить, купил я себе третьего дня сапоги, а они, смею вас уверить, скрипят так, что нет никакой возможности. Чем бы смазать? Лопахин – *Отстань. Надоел.* (А. Чехов. Вишневы сад).

(2) – Что же ты, детонька моя, мучаешь себя, – говорю, – сама себе жизнь портишь, нельзя эдак. А она в крик: – *Ненавижу тебя! Отстань!* – и укусила меня. (А. Русских. Направо пойдешь... налево пойдешь...).

(3) – А как твою девчонку зовут? – снова завел он шарманку. – Эфа! *Отстань!* – *рявкнул я во всю мощь. Он достал меня, этот шкет* (А. Крамер. О скитальцах и странниках).

(4) – Два часа у плиты стояла, а ты на диване валялся, хоть бы уют починил! Не допросишься! – *Отстань!* – (Саша.) – *Не ссорьтесь!* (Н. Нестерова. Переходный возраст).

(5) – Вот она против, – показал парень на Метлу. – Ты против? – *Отстань,* – сказала Метла. – А почему вы так грубо говорите мне? (А. Слаповский. Идея).

(6) – Какой ужас! Игорь, ты слышал?! – Да не слышал я ничего, *отстань! Тошнит меня, и голова раскалывается...* (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но...).

(7) — Скажите, зачем вы попросили Рябинина пририсовать здесь Большую Медведицу? Лауренц вздрогнул, отстранился: Нет, Иван Дмитриевич, этого я вам не скажу. — **Почему?** — Не скажу, не просите. <...> — **Но почему? Объясните хоть, почему? Отстаньте**, не буду я вам ничего объяснять! — ответил Лауренц и заковылял к двери. (Л. Юзефович. Дом свиданий).

КОММЕНТАРИЙ

1. *Отстань*, используемое как речевое клише, не имеет несовершенного вида. Во множественном числе *Отстаньте* употребляется реже и, как правило, при обращении к нескольким лицам. Может сопровождаться частицей *Да* и местоимением *ты*: *Да отстань(те)!* *Отстань ты!* *Да отстань ты!*

2. Реплика может оформляться любыми знаками препинания, но обычно это — восклицательный знак, указывающий на то, что разговор ведется на «повышенных тонах». Сопровождающие предикаты также отражают эмоциональное состояние говорящего: *с угрозой / сердито процедил(а), закричал(а), буркнул(а), рявкнул(а), прошипел(а), огрызнулся / огрызнулась* и др.

3. *Отстань* входит в группу императивных клише, образованных от глаголов с приставкой *от-* (*отвали, отцепись, отвяжись, отвянь*), используемых в речевой коммуникации в качестве призыва прекратить контакт.

4. Часто употребляется как негативная грубая реакция на вопрос и сопровождается пояснениями: *надед; тошнит меня; я о таких вещах не разговариваю* и др.

8. Выводы

Императивные речевые клише представляют собой отдельный класс единиц, которые градуируются по степени прагматикализации: а) *Прекрати + inf* (*читать эту книгу!* / *плакать!*) (сопровождается эмоцией недовольства) — слабая прагматикализация; б) единицы, употребляемые абсолютно и формирующие отдельный тип высказывания: — *Он нас убьет!* — *Прекрати!* — сильная прагматикализация.

Прагматемы могут образовываться на основе переносного значения, ср.: *Вагон отцепился* и — *Надень теплую куртку, простудишься — Отцепись!* *Я сама знаю, что мне надеть.*

Существует также класс единиц, которые используются преимущественно как прагматемы: *А ты <...> хлещешь все подряд без разбора.* — *Отвянь,* — *отвечаю; в глотке жжет и першит* (Р. Сечин. Афинские ночи).

Императивные клише отражают специфику русской речевой коммуникации — вежливой, невежливой, антивежливой. Они портретируют носителя современного русского языка. Также они представляют интерес для исследования в области кросс-культурной прагматики.

Современные грамматики и словари имеют расхождения в определении морфологических свойств данных единиц, описание их не носит системного характера.

Рассмотрение императивных клише в аспекте категории вежливости придает новый импульс исследованиям в этой области. При создании словаря языка не/вежливости императивные речевые клише могут

включаться в словарь в качестве заголовочных единиц. Это позволит зафиксировать и лексикографически описать лексические единицы как вежливой, так и не/антивежливой коммуникации, в настоящее время описываемые словарями редко, избирательно и, как правило, за ромбом.

Благодарности. Данное исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

Список источников и литературы

- Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001.
- Бенаккьо Р. Конкуренция видов, вежливость и этикет в русском императиве // *Russian Linguistics*. 2002. №26. С. 149–178. <https://doi.org/10.1023/A:1016149316524>.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М., 1995.
- Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // *Вестник Пермского университета*. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2004.
- Брагина Н. Г. Вежливость как невежливость: на стыке разных культурных норм и правил // *Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации* / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М., 2018. С. 38–44.
- Брагина Н. Г. Речевые клише: аспекты лингвистического изучения // *Русский язык за рубежом*. 2023. №5. С. 10–15. <https://doi.org/10.37632/PI.2023.300.5.001>.
- Граф Е. Ирония как (форма) скрытой «антивежливости»? // *Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации* / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М., 2018. С. 70–78.
- Ефремова Е. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001.
- Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М., 2015.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
- Ларина Т. В. Вежливость, невежливость и грубость в межкультурном аспекте // *Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации* / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М., 2018. С. 133–144.
- Леонтьев В. В. Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2016. №1. С. 70–83.
- Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М., 2016.
- Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. М., 2020.
- Падучева Е. В. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М., 1996. С. 66–83.

Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. №2. С. 7–27. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.2.7-27>.

Розина Р.И. Анатомия хамства // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации / сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М., 2018. С. 225–233.

Русская грамматика : в 2 т. М., 1980. Т. 1.

Словарь структурных слов русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М., 1997.

Фролова О.Е. Жанровая невежливость на примере интервью // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации / сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М., 2018. С. 277–286.

Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001.

Шаронов И.А. Проблемы анализа и описания побудительных междометий // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. №6. С. 160–176.

Шаронов И.А. Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М., 2015. С. 141–184.

Шаронов И.А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. №51. С. 58–68. <https://doi.org/10.17223/19986645/51/6>.

Шигуров В.В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка). М., 2009.

Шмелев А.Д. Ты и вы в русском речевом этикете: вариативность норм // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. №9 (18). С. 61–66.

Шмелев Д.Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях. // Избр. труды по русскому языку. М., 2002. С. 336–349.

Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1988.

Wierzbicka A. Different cultures, different languages, different speech acts: English vs. Polish // Journal of Pragmatics. 1985. Vol. 9, №2–3. P. 145–178.

Об авторе

Наталья Георгиевна Брагина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации; зав. лабораторией исследований речевой коммуникации и категории вежливости, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-0281-2067

E-mail: natasha_bragina@mail.ru

Для цитирования:

Брагина Н.Г. Категория вежливости: русские императивные речевые клише в диалоге // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №3. С. 219–233. doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-13.

CATEGORY OF POLITENESS:
RUSSIAN IMPERATIVE SPEECH CLICHÉS IN DIALOGUE

N. G. Bragina

Pushkin State Russian Language Institute,
6 Akademika Volgina St, Moscow, 117485, Russia

Submitted on 17.02.2024

Accepted on 15.04.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-13

This study identifies and characterises a class of lexical units – imperative speech clichés, exemplified by expressions such as krepis'! [hold on!], prekrati! [stop it!] or ne lez' [back off!]. It defines the concept of imperative speech clichés and investigates the role of pragmaticisation in their formation. The general properties of imperative clichés are described: most are either never employed with the negative particle ne [not] or are utilised exclusively with this particle. In speech communication, they function as reactions-impulses, i.e. the addresser uses one when reacting to the addressee's previous remark or their behaviour, simultaneously encouraging the addressee to perform an action or refrain from it. A significant part of imperative clichés, especially reactions-impulses, are formed with perfective verbs. The use and functioning of imperative clichés in speech are central topics in describing the category of politeness, particularly in impolite and anti-polite communication.

This study aims to examine the functioning of imperative speech clichés in terms of the category of politeness. The data used in the research consisted of categorical appeals used in speech acts to interrupt or prohibit contact. A collection of examples from the Russian National Corpus – about a hundred tokens – was compiled to this end. The method of lexicographic description was employed to prepare a test article for the otstan'! [leave me alone!] speech cliché. Linguistic description and dictionary representation of imperative speech clichés are central to a comprehensive description of the category of politeness category.

Keywords: imperative speech clichés, non/anti/politeness category, pragmaticisation, speech communication, lexicographic description

Acknowledgments. The study was funded by the Russian Science Foundation, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

References

Benacchio, R., 2002. Aspectual Competition, Politeness and Etiquette in the Russian Imperative. *Russian Linguistics*, 26, pp. 149–178, <https://doi.org/10.1023/A:1016149316524> (in Russ.).

Berger, P. and Lukman, T., 1995. *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Translated by E.D. Rutkevich. Moscow, 323 p. (in Russ.).

Bogdanova-Beglaryan, N.V., 2014. Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology. *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald], 3 (27), pp. 7–20 (in Russ.).

Bragina, N.G., 2018. Politeness as impoliteness: at the junction of different cultural norms and rules, In: I.A. Sharonov, ed. *Vezhliivost' i antivezhliivost' v yazyke i kommunikacii* [Politeness and Impoliteness in Language and Communication]. Moscow, pp. 38–44 (in Russ.).

Bragina, N.G., 2023. Speech clichés: aspects of linguistic study. *Russian Language Abroad*, 5, pp. 10–15, <https://doi.org/10.37632/PI.2023.300.5.001> (in Russ.).

Brown, P. and Levinson, S.C., 1988. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge, 345 p.

Frolova, O.E., 2018. Genre impoliteness (by example of interview). In: *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication: Materials of the International Scientific Conference]. 23–24 October 2018. Moscow, pp. 277–286 (in Russ.).

Graf, E., 2018. Irony as a (form of) hidden “anti-politeness”? In: *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication: Materials of the International Scientific Conference]. 23–24 October 2018. Moscow, pp. 70–78 (in Russ.).

Iordanskaya, L.N. and Mel'chuk, I.A., 2007. *Smysl i sochetaemost' v slovare* [Meaning and combinability in the dictionary]. Moscow, 672 p. (in Russ.).

Khrakovsky, B.C. and Volodin, A.P., 2001. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkij imperativ* [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. Moscow, 270 p. (in Russ.).

Larina, T.V., 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh traditsij* [Category of politeness and style of communication: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions]. Moscow, 512 p. (in Russ.).

Larina, T.V., 2018. Politeness, impoliteness and rudeness from the perspective of intercultural communication. In: *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication: Materials of the International Scientific Conference]. 23–24 October 2018. Moscow, pp. 133–144 (in Russ.).

Leont'ev, V.V., 2016. Linguistic (im)politeness: to the problem of category content. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 1, pp. 70–83 (in Russ.).

Paducheva, E.V., 1996. Semantics and pragmatics of an imperfect kind of imperative. In: *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic studies. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow, pp. 66–83 (in Russ.).

Rakhilina, E.V., Bychkova, P.A. and Zhukova, S. Yu., 2021. Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 7–27, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.2.7-27> (in Russ.).

Rozina, R.I., 2018. Anatomiya khamstva. In: *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication: Materials of the International Scientific Conference]. 23–24 October 2018. Moscow, pp. 225–233 (in Russ.).

Sharonov, I.A., 2009. Problems of analysis and description of motivational interjections. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya»* [RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”], 6, pp. 160–176 (in Russ.).

Sharonov, I.A., 2015. Search and description of communication tools based on the national corpus of the Russian language. In: *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyi podkhod* [Methods for cognitive analysis of word semantics: a computer/corpus-based approach]. Moscow, pp. 141–183 (in Russ.).

Sharonov, I.A., 2018. Parenthetical words and communicatives: semantic and pragmatic aspects of description. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 51, pp. 58–68, <https://doi.org/10.17223/19986645/51/6> (in Russ.).

Shigurov, V.V., 2009. *Inter"ektivaciya kak tip stupenchatoj transpozicii yazykovyh edinic v sisteme chastej rechi. (Materialy k transpozicionnoj grammatike russkogo yazyka)* [Interjectivization as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech. (Materials for transpositional grammar of the Russian language)]. Moscow, 463 p. (in Russ.).

Shmelev, A.D., 2016. "you" and "You" in Russian speech etiquette: the variability of norms. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya»* [RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"], 9 (18), pp. 61–66 (in Russ.).

Shmelev, D.N., 2002. On the issue of "derivative" official parts of speech and interjections. In: *Izbrannye trudy po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, pp. 336–349 (in Russ.).

Wierzbicka, A., 1985. Different cultures, different languages, different speech acts: English vs. Polish. *Journal of Pragmatics*, 9 (2–3), pp. 145–178.

Zaliznyak, A.A., Mikaelyan, I.L. and Shmelev, A.D., 2015. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoj pary* [Russian Aspectology. In defense of the species pair]. Moscow, 392 p. (in Russ.).

Reference books

Balakai, A.G., 2001. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow, 672 p. (in Russ.).

Efremova, E.F., 2001. *Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of functional parts of speech of the Russian language]. Moscow, 862 p. (in Russ.).

Kuznetsov, S.A., ed., 2004. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, 1534 p. (in Russ.).

Mel'chuk, I.A. and Zholkovsky, A.K., 2016. *Tolkovo-kombinatornyi slovar' russkogo yazyka. Opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoi leksiki* [The Explanatory combinatorial dictionary of Russian: Experiments in semantic and syntactic description of Russian vocabulary]. 2nd ed. Moscow, 544 p. (in Russ.).

Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. and Lutskaya, N.M., 2020. *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka* [Large universal dictionary of the Russian language]. Moscow, 1472 p. (in Russ.).

Morkovkin, V.V., ed., 1997. *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Structural Words]. Moscow, 422 p. (in Russ.).

Russkaya grammatika v 2 t. [Russian grammar: in 2 volumes], 1980. Vol. 1. Moscow, 783 p. (in Russ.).

The author

Prof. Natalia G. Bragina, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-0281-2067

E-mail: natasha_bragina@mail.ru

To cite this article:

Bragina, N.G., 2024, Politeness category: Russian imperative speech clichés in dialogue, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 3, pp. 219–233. doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-13.

